

“продолжу учиться до самой смерти”

01 СТР

Почему практически всех персонажей зовут точно так же, как их исполнители?

В большинстве случаев актеры играют в «Кофе и сигаретах» преувеличенные версии самих себя. Я знал многих из них давно, поэтому и сценарий писал в расчете на конкретных людей. Например, сюжет о Мэг и Джеке Уайт: мы случайно встретились с Джеком несколько лет назад и разговаривали о Николе Тесле. Выяснилось, что мы оба интересуемся его деятельностью, и поэтому в короткометражке Мэг и Джек беседуют именно об открытиях Теслы. Том Уайтс в новелле «Где-то в Калифорнии» называет себя доктором, а потом эту же шутку повторяет рэппер RZA, но, как ни смешно, RZA действительно считает себя медиком! Мы как-то сидели с ним, и я себя плохо почувствовал, а он тут же стал мне давать советы, чем растираться и что принимать внутрь. Я был просто поражен, говорю: «Погоди минутку, ты что, доктор?» А он так обрадовался и закричал в ответ: «Конечно, доктор, я два года в медицинском институте отучился!» Такие вещи и вдохновляли меня на сценарии «Кофе и сигарет».

У вас сразу две новеллы посвящены двоюродным братьям-сестрам: в первой кузин играет одна актриса, Кейт Бланшетт, а во второй Стив Куган и Альфред Молина неожиданно оказываются кузенами. Откуда взялась такая странная идея?

Я написал сценарии специально для этих актеров, но Альфред и Стив очень много импровизировали, так что результат заметно отличается от моего текста. То же можно сказать и об остальных фрагментах — в каждый из них маленькие, но важные нюансы привносили именно исполнители. В новелле о кузенах характеры родились из моего разговора со Стивом Куганом. Я спросил, кого бы он хотел сыграть, а он ответил: «Знаешь, хотелось бы сыграть гомосексуалиста, только не такого симпатичного и обязательного, как это обычно бывает в кино, а очень противного». Стив вовсе не гей, и человек он вовсе не противный: просто ему было интересно сыграть такого странного персонажа. Новелла с Кейт Бланшетт следовала сценарию слово в слово, потому что она играла обе роли и странства для импровизации почти не оставалось. Но еще до начала съемок она кое-что дописала к сценарию, чтобы посмеяться над самой собой, своей любовью к дорогим шмоткам!

А почему все-таки братья, сестры, кузены, кузины, близнецы?

Не знаю... У моей матери есть брат-близнец — мой дядя. Всегда было очень интересно наблюдать за ними: иногда кажется, что они способны читать мысли друг у друга. Идея кузенов мне нравится потому, что двоюродный брат может быть человеком,

который совсем на тебя не похож и даже тебе не нравится, но существует рядом, и с этим ты ничего поделать не можешь. Сделать из Кейт двух кузин было забавно, Альфреда и Стива я долго убеждал, что им придется стать кузенами, а рэпперы RZA и GZA — на самом деле кузены! Представьте, быть связанным с кем-то, на кого ты никак не можешь повлиять. У меня, например, с двоюродными братьями и сестрами нет решительно ничего общего. Но они — моя семья, и мы очень близки.

Как вы выстраивали эти сюжеты по порядку?

Вообще-то я не думал о порядке, пока не собрал все короткометражки. Первые три я в таком порядке и снимал, но в остальных не придерживался хронологии. Просто надо было увидеть, как они станут рядом друг с другом, постараться сделать все характеры разными.

Почему вы сделали «Кофе и сигареты» фрагментарным фильмом?

Я люблю формы... любые формы. Один критик назвал мои картины бесформенными, никак это не обосновав, и ошибся. Использовать некую фиксированную форму для самовыражения — ничего не может быть лучше. Поэтому я так преклоняюсь перед Ларсом фон Триером: он куда больше меня преуспел в изобретении и соблюдении форм и правил. Формы важны везде. Возьмем литературу: все формы одинаково значительны, будь это огромный роман или крошечное стихотворение. В кино форма — вопрос еще и коммерческий, поэтому так трудно живется режиссерам короткометражного кино. Но для меня короткий фильм — одна из лучших форм на свете. Он не подчиняется идиотским законам вроде «фильм должен длиться полчаса, потому что тогда мы поставим в кинотеатрах шесть сеансов в день вместо пяти и соберем больше денег». Фильм должен длиться столько, сколько должен длиться. Представьте, сказать художнику: твоя картина должна быть размером 42 сантиметра на 67 сантиметров. Абсурд! Я люблю ограничения в кино, но никто не имеет права мне их навязывать.

Вы все слушаете рок-н-ролл?

Постоянно. В музыке, как и в живописи или литературе, я люблю все старое (например, обожаю смотреть давние черно-белые фильмы). Однако и в новом нахожу немало интересного — например, популярные и, безусловно, повторяющие творчество групп 70-х коллективы The Strokes и The White Stripes. Второй я снял в «Кофе и сигаретах», потому что они ближе мне по духу. Послушать новый рок-н-ролл — что может быть более оздоровляющим?

А другую музыку тоже слушаете?

Я люблю все формы музыки. Очень ценю фанк, блюз, би-боп, слушаю с удовольствием джаз самых различных направлений — от раннего свинга до эйсид-джаза. Люблю

и классику, в особенности Антона Веберна. Он мой любимый композитор, потому что никто другой не мог написать струнный квартет длиной в три минуты! Люблю Перселла и Уильяма Берда. Кроме того, часто слушаю Малера. Но и хип-хоп люблю. Представьте, чтобы я слушал только рок-н-ролл... я бы скорее застрелился.

«Кофе и сигареты» трудно назвать коммерческим фильмом — если он и окупится, то очень не скоро. Осознание этого мешало вам в работе над картиной?

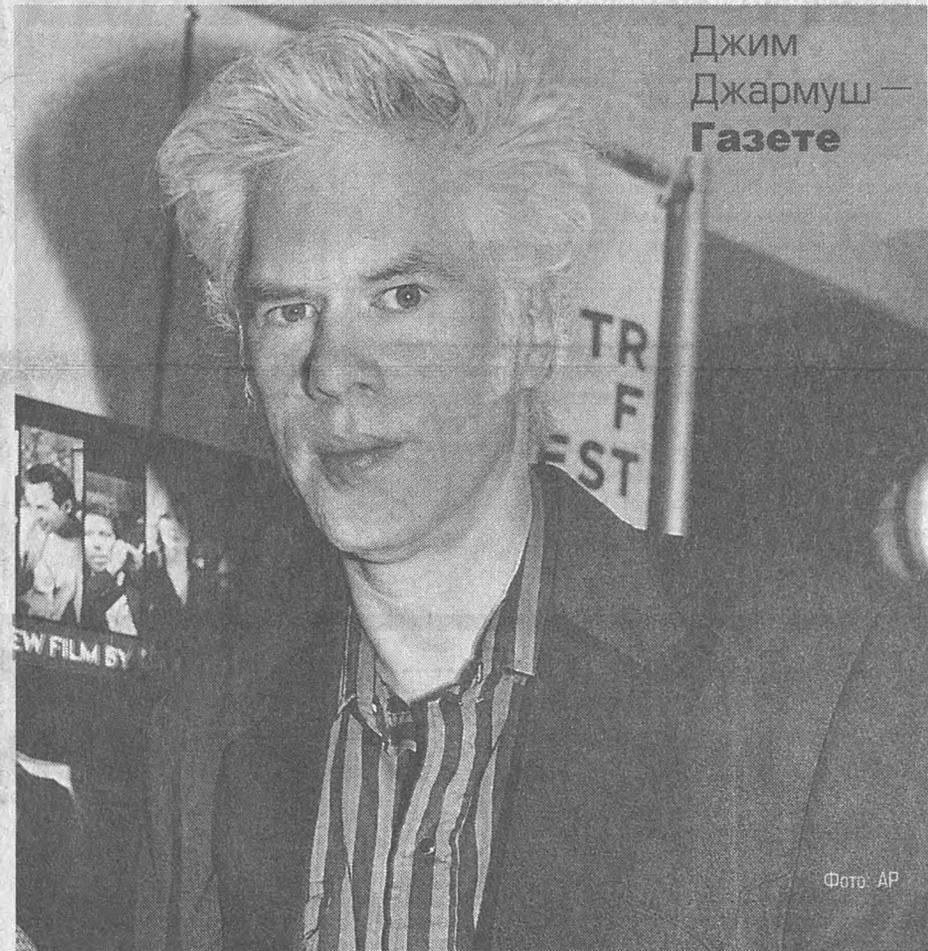
Япония и Италия с самого начала вложили деньги в мой проект, не ища никакой выгоды, а остальные я вложил сам, противореча основному правилу кинопроизводства: никогда не финансируй собственный фильм, ты что, дурак?! Но «Кофе и сигареты» — такой скромный и камерный проект, что я долго не сомневался. Кстати, я всегда делаю фильмы, которые в процессе производства принадлежат лишь мне одному и только потом получают возможность распространения по всему миру. Год назад я был в Каннах с идеей сценария, и отношение людей с деньгами к самой идее меня просто убило: «Приведешь нам Джонни Деппа и Брэда Питта, тогда, может, и дадим тебе полмиллиона долларов, а ты нам за это — право самостоятельно монтировать твой фильм». Я сказал: «Простите, что?» Хотелось бросить кинематограф навсегда после этого разговора. К счастью, все мои проекты относительно скромны. Мне остается быть оптимистом и стараться делать то, что хочется.

Голливудские продюсеры когда-нибудь предлагали вам проекты?

Теперь все меньше и меньше — раньше предлагали. Смехотворные сценарии, какие-то молодежные комедии. Бессмыслица, до конца дочитать невозможно. Мне кто-то рассказывал, что в пятидесятых по Голливуду скитался сценарий под названием «Я женился на коммунистке из ФБР», который использовали специально для того, чтобы предлагать режиссерам и проверять их таким образом: кто согласится — тот коммунист! Ник Рэй получил сценарий и тут же им перезвонил со словами: «Потрясающе! Я согласен, готов приступить немедленно! Когда начинаем?» Они были напуганы, как не пугались никогда в жизни.

В Америке сейчас стало хуже с творческой свободой — хотя бы в области кино?

Знаете, если внимательно посмотрите на новое поколение режиссеров, балансирующих между коммерческим и авторским кино, вроде Пола Томаса Андерсона, Уэса Андерсона, Александра Пейна, то понимаете: подобных им немало. Разнообразие режиссерских подходов заставляет думать, что сейчас далеко не худшие времена для американского кино. С другой стороны, современные США — темное и депрессивное место... странным образом жизнь в подобных государствах как раз и будит в че-

Джим Джармуш — Газете

Фото: AP

Вечно вне закона

Лидер современного «независимого кино» Джим Джармуш — тот человек, чье существование, по мнению Квентина Тарантино, оправдывает весь американский кинематограф. Он родился 22 января 1953 года в штате Огайо, в юности переехал в Нью-Йорк, где получил два образования, однако самым важным стало третье — в Париже, где Джармуш не вылезал из «Синематеки». После блестящего диплома («Постоянные каникулы», 1982) его картина «Страннее, чем рай» (1984) получила «Золотую камеру» в Каннах. Снял фильмы «Вниз по закону» (1986), «Мертвец» (1995), «Пес-призрак» (1999).

ловеке творческие силы. Я в культурологии мало что понимаю, но похоже, что мы живем в хорошую эпоху — с точки зрения искусства.

В последнем сюжете два старика производят тост за Нью-Йорк 1970-х годов. Почему?

Ничего с собой не могу поделать: люблю Нью-Йорк 70-х! Экономический кризис, начало маргинальной культуры, андеграундного кинематографа, первый хип-хоп, панк-рок, а я только переехал в город к 1975 году. В те времена все казалось возможным, было полно интересных людей вокруг... Во время репетиций я попросил актеров

произнести этот тост, и они были просто поражены: почему? Для них это было жуткое время! Однако в конечном счете согласились. Нью-Йорк меняется ежегодно, ежедневно, и если вы не любите перемены, вам нечего делать в этом городе. Кстати, лично мне не нравится, в какую сторону он меняется в последние десять лет.

У вас есть любимая короткометражка в «Кофе и сигаретах»?

Нет, не могу я их сравнивать. Представьте, у вас одиннадцать детей, и какой же будет самым любимым? Одни умнее других, кто-то грубее, но все они дети, и невозможно отделять их друг от друга.